

Психология действия. Вклад Харьковской психологической школы

В.П. Зинченко

доктор психологических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», почетный член Американской академии искусств и наук, доктор Honoris Causa Тартусского университета, почетный доктор Харьковского государственного университета

Статья написана на основе доклада, сделанного на Международной конференции, посвященной 80-летию Харьковской психологической школы (Харьков, октябрь 2012 г.), организованной Харьковским национальным педагогическим университетом им. Г.С. Сковороды. Вниманию читателя предлагаются как личные впечатления и воспоминания автора о событиях и людях, так и почерпнутые из рассказов представителей старших поколений психологов, причастных к этим событиям. Автор — не историк науки — не ставил своей целью исчерпывающее, источниковедческое описание истории Харьковской психологической школы. Я благодарю Антона Ясницкого, профессионально занимающегося историей психологии, за сделанные замечания и уточнения.

Ключевые слова: научная школа, научное сообщество, научное направление, Г.И. Челпанов, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, В.И. Аснин, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко.

От автора

На своем опыте знаю, что детство и юность накладывают неизгладимую печать на всю дальнейшую жизнь. Я покинул Харьков в 17 лет, в 1948 г. Минус четыре года эвакуации во время войны. Итого моей жизни в Харькове всего-то 13 лет. И, тем не менее, Харьков не только моя родина, но и самый дорогой и любимый город. Здесь прошли счастливые годы жизни с родителями, сестрой, бабушкой, появилось мое первое я (когда образовались другие, теперь уже не припомнить), завязались первые дружеские отношения, вспыхнула первая любовь. Здесь возникла тяга к моей будущей профессии — психологии, которая была в то время узкой специальностью и ей не учили в моем родном городе. Пришлось ехать в Московский университет, о чем, положа руку на сердце, я все же не жалею. Москва приняла меня достаточно гостеприимно, в ней ведь тоже люди живут. Разумеется, к 13 годам надо добавить мои достаточно частые приезды в Харьков «на побывку» к родителям. Пограничников и таможенников тогда не было, и билеты стоили как сегодня билет в метро.

Особое отношение у меня к харьковским университетам. Педагогический университет им. Г.С. Сковороды — когда-то Институт социалистического воспитания, закончили мои родители, там они и встретились. Потом он стал Педагогическим институтом, где работала мама, Вера Давыдовна, где она получила ученое звание доцента и где до и после войны преподавала педагогику. Последние годы жизни в Харькове она преподавала психологию в консерватории. Петр Иванович Зинченко долгие годы работал в Институте иностранных языков, при слиянии его с университетом им. В.Н. Каразина Петр Иванович создал кафедру психологии. Филологический факультет этого же университета окончила моя сестра Татьяна Петровна, ставшая, в конце концов, тоже психологом — профессором факультета психологии Ленинградского университета. Не скрою, мне очень приятно, что оба университета не только хранят память о Харьковской психологической школе, но и продолжают ее дело.

Вслед за Б. Пастернаком, хочу сказать: Я не дарю своих воспоминаний участникам Харьковской психологической школы и моим учителям, я сам получил их от них в подарок.

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...
А.С. Пушкин

Насущное отходит в даль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.
В. Гёте

Все в мире переплетено! А нередко, как добавил поэт, моею собственной рукой. Ни отдельный ученый, ни научная школа не возникают на пустом месте. Вся европейская наука имеет свои корни в древних Афинах. Об этих корнях заботятся историки науки. Экспериментальная (научная) психология в императорской России, как и во многих других странах, имеет свои корни в Германии.

Свои интересные переплетения и пересечения имеет российско-украинская психология. Предложу свою пробную версию анализа подобных пересечений и влияний, которые чаще всего бывают взаимными. Произвольно возьму фигуру И.М. Сеченова, которого справедливо считают отцом русской физиологии. Будем считать его дедушкой российской психологии. Он работал в ряде университетов Германии, в Санкт-Петербургском университете. Оставил свой след и на Украине, будучи заведующим кафедрой физиологии в Новороссийском университете в Одессе (1871—1876 гг.), потом в Москве. В Одессе традиции И.М. Сеченова продолжил Н.Н. Ланге (стажировавшийся в Лейпцигской школе у В. Вундта, в университетах Берлина, Парижа), оказавший большое влияние на многих психологов России и Украины. Прямым учеником Н.Н. Ланге был Д.Г. Элькин (1895—1986), многие десятилетия заведовавший кафедрой психологии Одесского университета и имевший тесные контакты с психологами Москвы, Киева, Харькова.

Покинем на некоторое время Одессу и вместе с Г.И. Челпановым, окончившим Новороссийский университет, переместимся в Киев. Не исключено, что Г.И. Челпанов тоже пересекался с Н.Н. Ланге. В Киеве он получил звание профессора психологии и философии, а в 1907 г. переехал в Москву. В 1910—1911 гг. он знакомился с работой психологических лабораторий и институтов Германии и США. В 1912 году произошло самое важное событие в истории российской психологии: Г.И. Челпанов открыл Психологический институт, построенный на средства купца С.И. Шукина. Конечно, в России и до создания Института психология развивалась в ряде университетов. В 1908 году В.М. Бехтерев открыл огромный по тем временам Психоневрологический институт. Однако очень скоро, примерно с 1910 г., психология превратилась в психорефлексологию, а в 1917 — в «чистую» рефлексологию. Как показало время, рефлексология для психологии оказалась бесплодной. Более того, рефлексологи, как и многие «психологи» от физиологии до и после них, позволяли себе в адрес психологии акты недружелюбия, а то и агрессии. В.М. Бехтерев, в отличие от И.П. Павло-

ва, от души поздравившего Г.И. Челпанова, негативно отнесся к созданию Психологического института. Он выразил пожелание, чтобы наука искусственно не загонялась в «привилегированные палаты университетов» и сразу служила практике. В 1929 году последователь В.М. Бехтерева молодой рефлексолог Б.Г. Ананьев даже сравнивал психологию с алхимией и отказывал ей в праве на существование. (Когда Б.Г. Ананьев повзрослел, он утверждал, что психология — это центральная наука, но, согласно его застарелому антипсихологическому комплексу, все же укладывал ее в рамки человекознания.)

По сравнению с рефлексологией реактология К.Н. Корнилова в челпановском институте возникла значительно позже и была лишь эпизодом в его развитии. Причина в том, что Г.И. Челпанов шел к психологии естественным путем: не от мозга, а от головы и сердца, от философских воззрений о мире, душе и сознании. Его ученики Г.Г. Шпет и В.В. Зеньковский, еще находясь в Киеве, писали специальные трактаты в защиту понимаемой как наука о душе психологии от физиологического редукционизма и психофизиологического параллелизма. Кто знает, может быть, психологи зря обижаются на физиологов: вдруг их собственные психика, мышление и сознание — действительно функции мозга? А серое вещество мозговой коры — орган их души. Может быть, они, в самом деле, мыслят на уровне рефлексов, все равно каких — безусловных, условных или сочетательных? Тогда нужно не обижаться на них, не спорить с ними, а сочувствовать им, не удивляться новым ассоциациям и сочетаниям, переходам от коллективной рефлексологии вначале к когнитивному, а затем и к социальному мозгу. Будем ждать новых результатов: чем последний отличается от социального или антисоциального мозга... А там, глядишь, доживем и до френологии. Нет на них И.П. Павлова, который штрафовал бы их за неквалифицированное и вольное употребление осколков психологического языка. Нейрофизиологам не лишне напомнить, что, согласно Амброзу Бирсу, мозг — это орган, с помощью которого люди думают, что они думают.

Психологический институт стал колыбелью и для научной школы Л.С. Выготского, породившей Харьковскую психологическую школу. Большую помощь в создании Института Г.И. Челпанову оказал приглашенный из Киева его ученик Г.Г. Шпет. Последний дополнял свое киевское образование, работая в библиотеках Берлина, Эдинбурга, Лондона, общаясь с главой Вюрцбургской психологической школы О. Кюльпе. Он слушал лекции Э. Гуссерля,

работал в его семинарах и тесно сотрудничал с ним. В 1920-е годы в Москве происходят интересные пересечения и не слишком вдохновляющие события. По рассказам современников, в 1923 г. ученик Челпанова К.Н. Корнилов пишет в ЦК ВКП(б) доклад на своего учителя, обвиняет его в идеализме, в том, что он до сих пор считает психологию наукой о душе, а сам становится директором института. Уже при К.Н. Корнилове в 1923 г. приходит в Институт А.Р. Лурия и застаёт в нём студента А.Н. Леонтьева, считавшего себя учеником Челпанова, и начавшего под руководством А.Р. Лурии изучать аффективные реакции. С тех пор до конца жизни они были неразлучны. В 1925 году по рекомендации А.Р. Лурия и по приглашению К.Н. Корнилова приходит в Институт Л.С. Выготский, который в 1913–1917 гг., помимо юридического факультета МГУ, учился на историко-филологическом факультете народного университета А.С. Шанявского. Там он слушал лекции Г.Г. Шпета и два года работал в его семинаре (в чём он, правда, сам никогда не признавался). Теперь, когда уже изданы почти 10 томов трудов Г.Г. Шпета, мы знаем, что ему принадлежат, как минимум, пролегомены к культурно-исторической теории сознания. Только в своих поздних воспоминаниях А.Н. Леонтьев единственный раз упомянул имя Г.Г. Шпета, назвав его самым знаменитым профессором Психологического института. Л.С. Выготский и, позднее, А.Н. Леонтьев, вслед за К.Н. Корниловым, продолжили критику Г.И. Челпанова, притом в выражениях, порой, далеких от парламентских. Лейтмотивом критики был идеализм Г.И. Челпанова. Побольше бы нам таких идеалистов!

На педологическом факультете 2-го МГУ в конце 1920-х гг. лекции киевлян П.П. Блонского, Г.Г. Шпета слушали и будущие участники Харьковской школы В.И. Аснин, Л.И. Божович и киевлянин А.В. Запорожец (туда же поступал и учитель с Нижней Волги П.И. Зинченко, но не был принят и встретился с ними уже в Харькове). Но своим основным учителем Л.И. Божович и А.В. Запорожец считали Л.С. Выготского.

Не стану обсуждать причины, по которым москвичам, в том числе новоиспеченным, в начале 1930-х гг. стало неуютно в Москве и их прельстила столица голодающей Украины — Харьков. Так или иначе, но Л.С. Выготский, М.С. Лебединский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев были приглашены в Харьков, потом к ним присоединились Л.И. Божович и А.В. Запорожец. Все, кроме Л.С. Выготского, оказались в Харькове, в Психоневрологической академии, а затем они «оккупировали» и другие учреждения, где распространяли «психологическую заразу». Конечно, и до их приезда в старом университетском городе Харькове (университет основан в 1804 г.) были свои психологические традиции. Достаточно вспомнить А.А. Потебню, которого психологи, филологи, да и философы считают своим коллегой, педолога А.С. Залужного, психолога труда Ф.Р. Дунаевского и других.

Экспликацией этих традиций мы обязаны Е.Ф. Ивановой и А. Ясницкому.

Чтобы понять, почему в Харьков не поехал Л.С. Выготский, уже утверждённый осенью 1931 г. в должности заведующего кафедрой генетической психологии Государственного института подготовки кадров Наркомздрава Украины, вернемся в Одессу. В 1920 году Н.Н. Ланге пригласил получившего философское образование в Германии С.Л. Рубинштейна на кафедру психологии Одесского университета. Единственным полезным для психологии следствием преступной Октябрьской революции 1917 г. было то, что философы С.Л. Рубинштейн и П.П. Блонский (как и Г.Г. Шпет, учившийся в Киевском университете у Г.И. Челпанова и учивший в Народном университете Л.С. Выготского) разумно переориентировались с философии на психологию. После смерти Н.Н. Ланге в 1921 г. на один год С.Л. Рубинштейн становится заведующим кафедрой психологии. Тогда же он пишет свою знаменитую статью «Принцип творческой самодеятельности», которую справедливо считают началом развития деятельностного подхода в психологии. Подозреваю, что его уволили в 1922 г. по тем же причинам, по которым из этого университета в свое время был уволен И.И. Мечников. С.Л. Рубинштейн, в отличие от него, оказался не в Париже, а в Ленинграде, где в 1930 г. возглавил кафедру психологии ЛГПИ им. Герцена. Именно он пригласил Л.С. Выготского занять место М.Я. Басова, погибшего в 1931 г. Л.С. Выготский принял это приглашение и с осени 1931 г. стал систематически ездить в Ленинград. Позднее С.Л. Рубинштейн пригласил и А.Н. Леонтьева. Л.С. Выготский продолжал сотрудничать со своими бывшими коллегами и учениками, бывал в Харькове наездами. В Ленинграде он встретил своего нового ученика, ставшего выготчанином до мозга костей, — Д.Б. Элькониным. Именно он на конференции, организованной в 1938 г. Харьковским педагогическим институтом, дал старым и новым харьковчанам имя «Харьковская психологическая школа». А ведь Л.С. Выготского тогда уже не было, а А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия жили в Москве. Руководителем кафедры вместо А.Н. Леонтьева стал А.В. Запорожец.

Вернемся в 1932 г. Вновь прибывшие встретили в Харькове психологов П.Я. Гальперина, А.И. Розенблюма, В.И. Аснина, Ф.В. Бассина, П.И. Зинченко, Г.Д. Лукова, О.М. Концевую и других.

Оставлю пока в стороне содержательную сторону замечательно плодотворного десятилетия, за которое было сделано неправдоподобно многое. Этому не помешал даже сравнительно ранний отъезд из Харькова А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии (между 1934 и 1936 гг.). Трудно сказать, какое развитие получила бы школа, если бы не Большой террор и не Большая война, развязанная братьями по крови или кровавыми братьями — Сталиным и Гитлером.

В эпоху террора школа лишилась А.И. Розенблюма. Из войны она вышла без потерь, хотя П.И. Зинченко и Г.Д. Луков воевали. Но мирные потери были.

К покинувшим Харьков москвичам присоединились и другие. В 1942 году С.Л. Рубинштейн создает кафедру психологии в МГУ и приглашает на нее уже начинавших то ли ревновать, то ли соперничать с ним единомышленников по деятельностному подходу — А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурию, П.Я. Гальперина и А.В. Запорожца. Все они составили костяк будущих отделений, а затем и факультета психологии МГУ (тогда же С.Л. Рубинштейн сделал попытку демобилизовать оказавшегося на короткое время в Москве лейтенанта П.И. Зинченко, но не успел; его снова отправили на фронт). Г.Д. Луков, прошедший войну от солдата до полковника, осел в Ленинграде, занялся военной психологией. Л.И. Котлярова переехала во Львов. Т.И. Титаренко надолго оставила психологию, она перешла на партийную работу, потом в Москве закончила аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС и вскоре ушла из жизни. Но школа вовсе не была обескровлена. Начинается послевоенный этап ее развития. Устанавливаются тесные связи с Киевом. Директор Киевского института психологии Г.С. Костюк организует в Харькове психологическую лабораторию — филиал своего института. Харьковчане активно публикуют свои работы в «Научных записках» Киевского института психологии. Не прерываются и связи с Москвой. До 1948 года я наблюдал приезды в Харьков П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева. Потом к ним присоединились В.В. Давыдов и Ваш покорный слуга, приехавший не только «на побывку» домой, но и по служебным инженерно-психологическим делам. Москва прислала сюда В.В. Репкина и Г.В. Репкину, были и другие выпускники МГУ. Выращивались и воспитывались свои кадры. Но это уже другая сказка. Ее должны рассказывать другие.

Два слова о себе. Наше поколение было счастливым. Мы учились у С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова, К.М. Гуревича, Б.В. Зейгарник, замечательного антрополога Я.Я. Рогинского, а также у бывших «харьковчан»: П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии. Я чувствовал расположение Л.И. Божович, переехавшего в Москву Ф.В. Бассина, не утратившего контакта с психологами. Он на страницах журнала «Вопросы психологии» дискутировал с А.Н. Леонтьевым о предмете психологии, защищал А.Р. Лурию от нападок физиологов, упрекавших создателя нейропсихологии в идеализме. Впрочем, спасибо им. Защищаясь, Александр Романович написал антиредукционистскую статью, которая посмертно была опубликована в «Вопросах философии» в № 9 за 1977 г. Ф.В. Бассин, организовавший совместно с А.С. Прангишвили и А.Е. Шеррозия в 1979 г. в Тбилиси по тем временам совершенно неправдоподобный по тематике и масштабам симпозиум по проблеме бессознательного, пригласил участвовать в нем многих психологов. Не забыл и меня. Он принял мой доклад «Установка и деятельность: нужна ли парадигма?», в котором я развивал идеи А.В. Запорожца о наличии у человека иерархии установок. За 10 лет до симпозиума

Ф.В. Бассин издал книгу «Проблема бессознательного», в которой под сурдинку идеологизированной критики З. Фрейда были изложены прочно забытые в стране понятия, методы, техника психоанализа.

У меня сложилось впечатление, что и родившийся в Полтаве Д.Б. Эльконин ощущал себя полноправным харьковчанином. В его общении с Л.И. Божович, П.Я. Гальпериним, А.В. Запорожцем, П.И. Зинченко всегда звучала какая-то трогательная нотка. Д.Б. Эльконин и меня одарил своим расположением, а когда я повзрослел, то и дружбой. Во время приездов в студенческие годы в Харьков меня неизменно экзаменовал В.И. Аснин. И экзаменовал много строже, чем мои непосредственные учителя, и ворчал по поводу их либерализма. Он был и прав, и неправ. Многие уроки прочно вошли в меня.

Мне кажется, что изложенная мною, разумеется, неполная, в чем-то гипотетическая и проблематичная версия свидетельствует о нормальном пути становления и развития научной школы. Лучшим доказательством того, что Школа состоялась, был приезд С. Л. Рубинштейна в Харьков на упомянутую выше конференцию 1938 г. Хотя он и не согласился с утверждением Д.Б. Эльконина, что Школа есть, во втором издании «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейн сослался на исследования харьковчан, выполненные в довоенные годы. Конечно, с Лейпцигской школой В. Вундта никто конкурировать не может, но с Вюрцбургской, Марбургской или Берлинской Харьковская вполне могла соперничать.

II

В первой части я очертил внешнюю канву становления Харьковской психологической школы. Здесь попытаюсь кратко выделить и охарактеризовать ее достижения, остановившись преимущественно на первом неполном десятилетии ее существования. Начну с вопроса, на который у меня нет ответа. Как сказало отсутствие Л.С. Выготского в Харькове? Достаточны ли были его краткие визиты для того, чтобы оказать влияние на развитие исследований? Скорее всего, недостаточно. Для А.Р. Лурии Л.С. Выготский всегда был учителем и абсолютным авторитетом. С А.Н. Леонтьевым ситуация была сложнее. В автобиографии, написанной им в середине 60-х годов, еще до «Бума Выготского», не только между строк, но и в строках видно, что он первые годы работал с Выготским, но потом почувствовал свою силу, чтобы уйти в самостоятельное плавание. В этом, конечно, ничего худого нет, это естественно. Л.С. Выготский слишком сильно давил на него, угоняя заниматься сознанием. Значит, видел в нем недюжинный потенциал. А А.Н. Леонтьев, то ли чувствуя свою неготовность, то ли несвоевременность и опасность навязываемой ему проблемы, искал свой путь в психологии. Думаю, что в Харькове конфликт был бы неизбежен, а это едва ли благоприятно сказалося на становлении научной школы. Конфликт был

тем более вероятен, так как Л.С. Выготский был методологическим ригористом, он был твердо убежден, что выход психологии из кризиса, создание единой (!) психологии возможно лишь при условии «диалектического единства методологии и практики»: «Практика и философия становятся во главу угла». (В 60-е гг. подобным же ригористом был Г.П. Щедровицкий.) Мне кажется, что харьковчане, включая прибывших гостей из Москвы, были к этому не готовы. Я уже не говорю о спорности подобных категорических заявлений. Конечно, доктор и фельдшер помогают больному выйти из кризиса, но желания и усилия больного играют не меньшую роль. Обратной стороной переоценки роли методологии является неверие в силы самой науки.

Искать свой путь — одно, а найти его — совершенно другое. Я сомневаюсь, что А.Н. Леонтьев приехал в Харьков с готовой деятельностной парадигмой развития психологии и программой исследований. Харьковская школа началась не с философии и методологии, а с экспериментальных исследований, правда, не чуждых практике. Притом они начались не с изучения сознания, даже не с деятельности, а со свободного поиска, с изучения действий, психических процессов и актов. Все остальное, включая сознание и даже бессознательное, пришло потом. Разумеется, уроки Л.С. Выготского даром не прошли. Многие исследования участников школы производят впечатление, как будто они задуманы Л.С. Выготским.

Оставляю пустые споры о том, кто первым провозгласил деятельный подход или психологическую теорию деятельности. Во-первых, подход есть, а теории по сей день нет. Ее нет даже в классической немецкой философии. Разумеется, С.Л. Рубинштейн еще в 1922 г. написал статью о деятельности. В то время А.Н. Леонтьев был еще студентом и ни о какой теории деятельности не помышлял. П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин, М.Я. Басов и другие отечественные философы, педагоги и психологи писали о деятельности, но не о ее теории. Об отсутствии психологической теории о «предметном», операционном содержании деятельности писал и П.Я. Гальперин. П.А. Флоренский утверждал, что теория деятельности, как и теория личности, в принципе невозможна, так как и то и другое есть нарушение закона тождества. И не только! Деятельность, как и человек, должны заключать в себе элемент бесконечности, а, соответственно, и непредсказуемости, спонтанности, самочинности, так как деятельность есть творчество, т. е. прибавление к данности того, что еще не есть данность. Предельный случай нарушения закона тождества — это «творчество из ничего», понимаемое не только как божественный акт, но и как акт человеческий (Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов).

Рассуждения о структуре и функциях деятельности не заменяют теории. В.Ф. Гумбольдт одним из первых начал рассматривать язык как деятельность, а в 1922 г. Г.Г. Шпет в «Эстетических фрагментах», в

1927 г. во «Внутренней форме слова» развил эти представления. Его анализ строения внешней и внутренней форм целого слова внес существенный вклад в преодоление классической оппозиции внешнего и внутреннего: все имплицитные формы принципиально допускают экспликацию. Здесь он был категоричен, заявляя, что нет ни одного атома внутреннего без внешнего. Вся душа есть внешность. Зато и удары, которые наносятся ей, — морщины и шрамы на внешнем нашем лице. К сожалению, этот вклад многие десятилетия не замечался (игнорировался?) психологами. Все же я подозреваю, что Г.Г. Шпет оказал влияние на слушавших его лекции Л.С. Выготского, А.В. Запорожца и других, хотя они, возможно, не осознавали этого.

Возвращаясь к теории деятельности, скажу, что вообще научная школа не создает теорий, их создают отдельные ученые, конечно, если им повезет и хватит ума и таланта. В начале 1970-х гг. Э.Г. Юдин справедливо заметил, что квинтэссенцией деятельностного подхода является действие (Г.Ф. Гегель бы добавил: в нем индивидуальность действительна). Например, П.И. Зинченко достаточно решительно утверждал, что общей единицей структурного, функционального и генетического анализа произвольного и произвольного запоминания является действие человека. Он дал ему название мнемического действия. Разумеется, действие, осуществляющееся в более широком контексте жизнедеятельности. И действие стало главным предметом исследований Харьковской школы. Не просто действие, а психическое действие в своих орудийных, знаковых и символических, т. е. культурных формах (сказалось влияние Л.С. Выготского). При этом большая часть исследований проводилась на детях, что позволяло проследить становление и организовывать формирование тех или иных действий. Приведу некоторые примеры.

- П.Я. Гальперин изучал становление и формирование простейших орудийных действий у детей. В послевоенные годы эта линия была продолжена А.В. Запорожцем в исследованиях развития произвольных движений, а П.Я. Гальперин изучал этапы формирования умственных действий и понятий.

- А.В. Запорожец изучал развитие сенсорных и перцептивных действий. Под его руководством была выполнена диссертация Л.И. Котляровой, в которой сравнивалось пассивное и активное осознание. (Позднее аналогичные исследования в Ленинграде проводили Л.А. Шифман, Б.Г. Ананьев, Л.М. Веккер и др.) Общий смысл развернувшегося и продолжившегося в Москве цикла исследований перцепции состоял в том, чтобы понять, как образуются симультанные целостности гештальта, сенсорные эталоны, перцептивные образы, оперативные единицы восприятия, а затем и оперативные единицы действия.

В Харькове же А.В. Запорожец начал изучение умственных действий и предложил схему их двухактности: первый акт — открытие смысла, второй — придание значения. Последнее может быть

операционально-техническим, эмоциональным, перцептивным или концептуальным, вербальным. Каждый акт может становиться целью для другого. А.В. Запорожца волновала проблема: почему и как человек начинает стремиться к действию как к внешней вещи, внешнему предмету? Как действие настолько опредмечивается, что становится целью, выступает перед индивидом как внешний субъект? То есть как живое действие или действие вместе с его носителем. В послевоенные годы А.В. Запорожец колебался в выборе предмета исследования: то ли развитие мышления, то ли развитие произвольных движений и действий? Выбрал последнее. Видимо, захватили и увлекли работы по восстановлению движений у раненых бойцов, которыми он вместе с Н.А. Бернштейном, С.Г. Геллерштейном, а затем с А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериным и другими психологами занимался во время войны. Итог цикла исследований, выполненного им с сотрудниками, показал, что формированию действия предшествует формирование образа ситуации и образа действий, которые в этой ситуации должны быть выполнены. А П.Я. Гальперин в это время обратился к изучению развития мышления, формированию умственных действий и понятий.

- Г.Д. Луков начал поиск и изучение генеза символических действий как таковых в раннем возрасте (об этом, к несчастью, остались лишь скудные ссылки в работах Д.Б. Эльконина). Много позже к раннему «младенческому символизму» обратился Д. Винникот и другие психоаналитики.

- В.И. Аснин был одним из экспериментаторов, проводивших исследования генезиса нового вида чувствительности — цветоразличения кожей ладоней (см. об этом ниже). Он изучал также роль наглядных демонстраций и собственных действий ребенка при формировании научных понятий. В его экспериментах дети доходили до понимания закона плавания тел не из словесных объяснений, а по причине (как сказал Б. Пастернаку его шестилетний сын). Они извлекали знания из собственных действий. В.И. Аснину принадлежат интересные результаты, связанные с зависимостью решения задач от мотивов и смыслов, а не только от их содержания. Наконец, В.И. Аснин сравнивал осознанные и неосознанные условия формирования двигательных навыков.

- Л.И. Божович практически сразу после приезда в Харьков уехала в Полтаву, где официально работала. Она постоянно курсировала между Полтавой и Харьковом. Л.И. Божович продолжила начатые в Москве под руководством Л.С. Выготского (или А.Н. Леонтьева?) исследования наглядно-действенного мышления у дошкольников (понимание действия рычага). Они были опубликованы всего несколько лет тому назад в журнале «Культурно-историческая психология». Затем ее привлекли проблемы мотивации. Она изучала возникновение познавательных мотивов и их роль в формировании теоретического мышления. Совместно с П.И. Зинченко

она начала изучать формирование понятий, рассматривая этот процесс как действие. В послевоенные годы эту линию исследований продолжила О.М. Концева.

- П.И. Зинченко начал изучать забывание в качестве активного процесса (не нужно смешивать с активным эмоциональным вытеснением, хотя некоторое сходство имеется). Затем сравнивал эффективность произвольного и произвольного запоминания; рассматривал познавательное действие и понимание как полноценные действия с их мотивами, целями, средствами, операциональным составом, условиями и результатами. Его интересовала динамика развития познавательных действий и превращения их в средства произвольного запоминания, в мнемические действия. В последние годы жизни он сосредоточился на изучении оперативной памяти и ее оперативных единиц (совместно с Г.В. Репкиной) и на проблеме «память и обучение» (совместно с Г.К. Середой).

Этот коллектив не ограничился изучением познавательных и исполнительных действий. А.В. Запорожец вместе с К.Е. Хоменко, Т.И. Титаренко, Д.М. Арановской изучали становление эстетического восприятия и понимания, а также эстетических реакций у детей. Они подошли к деятельности трактовке переживаний и сопереживаний, наблюдая переходы от со-действия к со-участию, к со-чувствию, затем к со-переживанию.

Перечисленные (и не перечисленные) исследования психических действий (именно этот термин использовал П.И. Зинченко) далеко выходили за рамки эмпирии. В них содержался солидный практический и сверхэмпирический теоретический потенциал. Последний лишь частично был использован А.Н. Леонтьевым в развитии его представлений о деятельности и ее структуре. Эту структуру называют трехчленкой или трехэтажной двучленкой, в которой деятельности, действию, операции поставлены в соответствие мотивы, цели, условия. Бросается в глаза, что в предложенной им структуре деятельности, как и в позднее выделенных им «образующих сознания», не нашлось места для переживания. Главными для него были значения и смыслы. Он не мог принять идею Л.С. Выготского о том, что единицей сознания и личности являются переживания. Конечно, если пофантазировать, то его можно обнаружить и у А.Н. Леонтьева: в структуре деятельности отношение мотива к цели есть смысл, а за ним скрывается переживание. У Ф.В. Бассина значащие переживания — это главный предмет психологии. Аналогом или носителем значащих переживаний у Г.Г. Шпета являются пристрастные со-значения, находящиеся в структуре слова между значениями и смыслами. Именно они, с его точки зрения, являются предметом психологии. Не менее существенно, что в структуре деятельности А.Н. Леонтьева не представлены средства деятельности (медиаторы), которые были главным предметом в его исследованиях развития памяти.

При всей кажущейся скупости структура деятельности А.Н. Леонтьева до сих пор лежит в основании большого числа предложенных разными авторами структур, модифицирующих и дополняющих ее. А.Н. Леонтьев выделил в деятельности самое существенное, и оспорить его достаточно абстрактную схему пока никому не удалось. Нужно сказать, что ее модификациям и дополнениям вовсе не всегда сопутствовало увеличение объяснительного потенциала, впрочем, достаточно скромного по сравнению со схемой А.Н. Леонтьева. Структуры психических действий, как двигательных, так и ментальных, изучены и представлены значительно более детально. Богаче и их объяснительный потенциал.

Отвечу сразу на возможный вопрос об оригинальности складывавшегося направления (школы?) психологии действия. Ведь еще в 1920-е гг. А. Валлон и Л.С. Выготский называли память действием. А. Валлон написал книгу «От действия к мысли». Эти мотивы содержатся в философии А. Бергсона, у позднего Ж. Пиаже. Можно спускаться и глубже, И.М. Сеченов говорил об участии в мышлении не только чувственных рядов, но и рядов личного действия. Н.Н. Ланге сформулировал стадиальный (уровневый) закон перцепции, развил моторную теорию внимания и выдвинул положение, согласно которому двигательные реакции первичны по отношению к внутренним психическим актам.

Предупреждая возникновение подобного недоумения, я не случайно начал этот разговор с Одессы, с И.М. Сеченова и Н.Н. Ланге. Не стану «оправдывать» харьковчан ссылкой на то, что вопрос о приоритете всегда весьма щекотлив. Но все дело в том, что они изучали не реакции и не рефлексy, а акции, действия. Возможно, они это делали не без косвенного (через А.Р. Лурия) влияния Н.А. Бернштейна. Ведь А.Р. Лурия и Н.А. Бернштейн сотрудничали с ранних 1920-х гг. Но главное состоит в том, что они рассматривали сами движения и действия не только как условия становления внутренних психических актов, а как таковые. Другими словами, моторика постепенно вводилась в тело психологии, а не рассматривалась как нечто внешнее по отношению к ней. По мере исследований строилась и таксономия психических движений и действий: предметно-практические (орудийные); манипулятивные (включая манипуляции зрительными образами и представлениями); установочные, направленные на выделение фигуры из фона; ориентировочно-исследовательские, уподобляющиеся свойствам воздействия и направленные на ознакомление с выделенными информативными признаками; действия контроля и коррекций и т. д. Затем эта классификация упростилась и обобщилась, приняла более привычную для психологии форму: сенсорные, перцептивные, мнемические, умственные, аффективные действия, действия внимания, наблюдения, созерцания, деятельность переживания. Все эти виды исполнительных, познавательных, аффективных действий принимают участие не только в формировании наличной ситуации,

но и в создании собственного образа мира (обстояния, по выражению Х. Ортега-и-Гассета и М.М. Бахтина). Они же принимают участие в формировании образа себя, своего собственного состояния, в оценке возможностей собственного действия в наличных — заданных и представляемых, будущих ситуациях. Обстояние и состояние сливаются в одно управляющее исполнительным действием целое. Но этого мало. Целое еще содержит в себе на фоне «карты обозрения» «карту-путь» (термины Ф.Н. Шемякина) предстоящего действия. Это целое называется поразному.

В свое время известный врач — профессор Р.А. Лурия (отец А.Р. Лурии) ввел в медицинский обиход удачный термин — «внутренняя картина болезни». А.В. Запорожец, работавший во время войны над восстановлением движений у раненых бойцов, говорил о внутренней картине движений и действий. Он показал решающую роль изменений во внутренней картине нарушенных движений и действия в их восстановлении. Столь же верно и то, что без внешних действий невозможно построение внутренней картины эффективных и совершенных исполнительных (орудийных, предметных), хореографических, спортивных и других действий. Харьковская, а затем и Московская школы психологов, к сожалению, прошли мимо понятия «внутренняя форма», применявшегося В. Гумбольдтом, Г.Г. Шпетом и другими по отношению к художественному произведению, языку, слову. По смыслу «внутренняя картина» эквивалентна «внутренней форме», будь то форма слова, действия или образа. Г.Г. Шпет рассматривал внутреннюю форму как путь, предполагающий ее овнешнение. Это близко к взглядам М.М. Бахтина, писавшего, что путь свершения действия — чисто внутренний путь, и непрерывность этого пути тоже чисто внутренняя. В том числе и путь свободного действия, действия-поступка, путь, строящийся и корректирующийся «на ходу». Внутренняя форма (картина) — еще и мост к новому содержанию. Н.А. Бернштейн говорил практически о том же. Мало видеть, как совершается движение снаружи, нужно видеть, как оно выглядит изнутри. Переключка голосов М.М. Бахтина, Н.А. Бернштейна, А.В. Запорожца, Г.Г. Шпета очевидна и нуждается в подробном анализе.

Естественно, что познавательные действия, направленные на построение внутренней картины, по мере овладения действием меняются, претерпевают те или иные превращения. Поэтому большинство харьковчан, за исключением П.Я. Гальперина, были равнодушны к идее безликой интериоризации.

Разумеется, интериоризация есть твердо установленный эмпирический факт, фиксировавшийся Э. Фрейдом, П. Жане и многими другими. Важно понять, что за ним. А.Н. Леонтьев говорил: грандиозная работа мозга (как будто она менее грандиозна за предметным действием). П.Я. Гальперин говорил: за интериоризацией — чистая мысль. Сегодня становится ясным, что за интериоризацией тоже стоят

действия, но «внутренние», викарные, имеющие собственное, отличное от внешних, строение. К счастью, интериоризация не является судьбой всех внешних предметных действий. Мы все же выныриваем из себя в мир вещей. Возможно, недостаточно осознаваемая тенденция развития экспериментальной психологии состоит в том, что по мере развития ее методов душевные явления постепенно овнешняются, а телесные — одушевляются. Справедливости ради следует сказать, что эта тенденция укрепляется за счет развития методов когнитивной психологии, которая, оттолкнувшись от бихевиоризма, начинает сближаться с психологией действия. Стоит задуматься в известную сентенцию О. Уайльда: Тот, кто разделяет душу и тело, не имеет ни души, ни тела.

Идею действия принял и С.Л. Рубинштейн. Во втором издании «Основ общей психологии» он признал действие единицей анализа психики, своего рода клеточкой, неразвитым началом развитого целого. Он писал, что действие содержит в себе элементы всей психологии (поступок у С.Л. Рубинштейна выступал как единица анализа поведения). Этот вывод на основании исследований харьковчан должен был сделать А.Н. Леонтьев. Но не сделал. Возможно, в этом одна из причин его ревнивого отношения к С.Л. Рубинштейну, которое его сопровождало всю жизнь. Уходя от нас, он оставил задачу поиска такой единицы будущим исследователям.

В отличие от С.Л. Рубинштейна, Д.Б. Эльконин вышел за пределы индивидуального действия и рассматривал совокупное действие ребенка со взрослым как единицу развития психики. Пожалуй, следовало бы добавить, что совокупное действие ребенка со взрослым нужно рассматривать и как слияние общения (термин Г.Г. Шпета) между ними. Проблема единиц анализа и развития весьма коварна. В психологии почти не осталось феноменов, не побывавших в этой роли: ассоциация, гештальт, установка, рефлекс, реакция, операция, действие, акт отражения (образ), переживание и т. д. В Гёте, перебирая в свое время возможные начала бытия: Слово, Мысль, Сила, Деяние — остановился на последнем. Но за каждым из этих феноменов ведь имеется свое за, и не одно. Например, Л.С. Выготский писал, что мысль еще не последняя инстанция... За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция (а еще значения и смыслы). Он же, вслед за Спинозой, говорит и об идее, становящейся аффектом. (А когда она овладевает массами, то обращается в свою противоположность, как ядовито заметил И. Губерман.) Живость глаза превращается в зависть и т. п. Исследования харьковчанами когнитивных актов как действий, за которыми и внутри которых тоже стоят подобные тенденции, открыли дорогу рассмотрению действия как гетерогенного образования. Это в значительной степени смягчило остроту проблемы поиска некой универсальной единицы, перевело ее в спокойное русло создания таксономии единиц анализа психики, сознания, личности. К сожалению, не могу вспомнить, кто предположил фантастическую

ситуацию: собравшись за круглым столом, познание, чувство и воля начали спор, кто из них главнее. По мнению автора, такой спор не имел бы окончания. Полководцам, которые «глядят в Наполеоны», легче. Наполеон ограничивал свой выбор умом и волей. Вырожденный случай — политики, которые признавали лишь революционное действие или, как нередко бывало в итоге, — хладнокровный террор.

Проблема начала волновала и философов. Блаженный Августин в «Исповеди» благодарил Бога за то, что Он дал ему разум, который помог ему понимать речь окружающих его взрослых. Г.Г. Шпет писал, что ребенок как представитель человеческого рода одарен интеллигибельной (разумной) интуицией. По М. Хайдеггеру, — это бытийное понимание. Подобный сюжет развивали М.К. Мамардашвили, В.В. Библихин. Это такое начало, которое не результат, а условие развития; оно похоже на интегральное декартово *cogito*, соединяющее в себе могу — мыслю — понимаю. Похож и душевный интеграл А.А. Ухтомского. Гетерогенность образований (феноменов), претендующих на статус единиц анализа или начал, представляет собой первичную интегральность главных атрибутов души — познания, чувства, воли. Не проще ли назвать кошку кошкой и положить в основание развития душу, а не заменять ее различными эвфемизмами? Разумеется, душа наша не субстанция, сделанная из метафизической ваты, а тонкая и нежная Психея (О. Мандельштам). Целая душа, помимо названных атрибутов, обладает еще чем-то таинственным, избыточным (ср. М. Цветаева: Душа родилась крылатой; Ты — ласточка моя, Психея), что не позволяет ее делить на разум без остатка (В. Гёте). Не забудем, что в известной платоновской метафоре души речь идет не только о конях и вознице, но и об окрыленности самой колесницы. Это можно прочесть и как избыток познания, чувства, воли. Своим избытком обладают образ, действие, чувство, что не мешает им быть претендентами на роль начала. Нас не должны смущать связанные с душой религиозные коннотации. Данте был прав, утверждая, что потомство, как таковое, души не имеет. Ее, вслед за М.М. Бахтиным, следует рассматривать как дар матери своему чаду, как дар моего духа другому человеку (или как дар человеческого рода). Религии никто не давал монопольного права на изучение души, а тем более — на владение душами людей. Да и сказать о повышенном или хотя бы достаточном внимании церкви к душе и духу было бы сильным преувеличением. У нее хватает своих и вполне земных забот и хлопот.

Харьковчан волновали фундаментальная и общепсихологическая проблематика, вопросы теории и методологии психологии, ее предмета. Для П.Я. Гальперина вообще не существовало непререкаемых авторитетов. Он критически анализировал работы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Н. Узнадзе, строил свои представления о предмете психологии. В.И. Аснин был внимателен к методологическим

проблемам, к условиям надежности психологических исследований. Он не только знал и сочувственно относился к методологическим поискам и экспериментальным находкам К. Левина и его сотрудников, но и сам проводил подобные исследования. В.И. Аснину удавалось создавать напряженное поле между двумя испытуемыми или между испытуемыми и экспериментатором, которое существенно влияло на результаты эксперимента. Разделял взгляды К. Левина не только он. Были даже планы организации «Kurt Levin Symposium» или «Topologische Meeting» в Харькове в 1936 г. Видимо, как всегда, в деле международного сотрудничества инициатором был А.Р. Лурия. Наличие таких планов само по себе весьма показательно. К счастью, им не дано было осуществиться, иначе в 1937 г. все участники такой встречи были бы или репрессированы, или уничтожены. И без того люди жили в постоянном страхе. В 1936 году, по воспоминаниям Т.О. Гиневской, — жены А.В. Запорожца — ее мужа неоднократно вызывали к следователю по политическим делам, который часами уговаривал его признаться, в том, что он член «вредительской» группы.

Апофеозом теоретико-методологических притязаний Харьковской школы была попытка А.Н. Леонтьева решить одну из геккелевских мировых загадок — вопрос о природе и происхождении психики (а затем и сознания). Разумеется, тайна осталась тайной, хотя вместе с А.В. Запорожцем они задумали и осуществили эксперимент по формированию новой способности (новой функции или нового функционального органа) у взрослых испытуемых. Речь идет о научении испытуемых цветоразличению кожей ладони. А.Н. Леонтьев представил этот эксперимент как лабораторную модель возникновения психики. Авторы добились своего, хотя и по сей день высказываются сомнения в достоверности результатов. Мои сомнения умеряются тем, что в качестве одного из экспериментаторов был строгий В.И. Аснин. Еще один довод в пользу достоверности результатов связан с тем, что оппонентом по докторской диссертации А.Н. Леонтьева, частью которой стало это исследование, был, наряду с С.Л. Рубинштейном, выдающийся физиолог Л.А. Орбели.

Гипотеза о природе психики возникла не на пустом месте. Ей предшествовали зоопсихологические исследования, в том числе изучение изменчивости поведения дафний (переменными были изменения освещенности аквариума), проведенные А.Н. Леонтьевым, Ф.В. Бассиным и Н.Н. Соломахой в 1933—1934 гг. Суть гипотезы состояла в том, что важнейшим свойством психики является возникновение чувствительности к биологически нейтральным (витально безразличным) свойствам окружения. Именно такие свойства необходимы для ориентации при переходе организмов из гомогенной среды (среды стихии) в дискретную, вещно оформленную среду, состоящую из отдельных предметов. Другими словами, переход от раздражимости к чувствительности знаменует собой начало возникновения психики. Ра-

зумеется, такая чувствительность — необходимый ее признак. Не стану обсуждать, достаточный ли? Обращусь к другому исследованию, выполненному, по замыслу А.В. Запорожца, М.И. Лисиной уже в 1950-е гг. Она обучила испытуемых произвольно управлять непроизвольными сосудистыми реакциями и нашла, что для того, чтобы такие реакции стали управляемыми, они должны прежде стать ощущаемыми. Таким образом, была сформирована еще одна новая форма чувствительности, но уже не к внешнему нейтральному раздражителю, которому, впрочем, в исследовании А.Н. Леонтьева была придана высокая психологическая значимость. Это чувствительность к собственной, обычно неощущаемой и непроизвольной, моторной сосудистой реакции. Речь идет не просто о чувствительности к собственному движению, а о чувствительности движения к самому себе. Это принципиально новый признак психики по сравнению с тем, который продемонстрировал А.Н. Леонтьев в экспериментах с цветочувствительностью ладони. Именно этот вид чувствительности делает движение живым. Н.А. Бернштейн говорил, что для овладения движением мало видеть его снаружи, нужно научиться видеть его изнутри. С понятием «живое движение» (Н.А. Бернштейн) может поспорить понятие «творящее движение» (В.В. Кандинский). Творящее движение обладает двумя составляющими: напряжением, т. е. живущей внутри него силой и направлением. К этому следует добавить «чувство порождающей активности» (М.М. Бахтин). Все это одновременно является условием и следствием одушевления и одухотворения человеческой моторики, позволяющей ей (благодаря преодолению избытка кинематических цепей нашего тела) звучать подобно эоловой арфе в унисон с внутренней симфонией дум и переживаний личности (А.В. Запорожец).

Вновь обратимся к философам и поэтам, которые многое знают прежде науки. Г.Ф. Гегель в «Феноменологии духа» дал вполне земную характеристику духа. Дух не есть нечто абстрактно простое, а есть система движений, различающая себя в моментах. Различение в моментах есть необходимое условие управляемости пререкающихся движений (И. Бродский) и фундамент рефлексии. Пуля — дура, свой полет в моментах она не различает. Чтобы различать себя в моментах, необходима способность заглядывать внутрь самого себя. О. Манделштам в «Разговоре о Данте» предложил метафору поэтической материи в виде серии конструируемых по ходу полета аэропланов, последовательно выпархивающих один из другого. (Он назвал их также многоступенчатым снарядам.) Необходимым условием полета и конструирования этого, по словам поэта, технически немыслимого устройства является его способность заглядывания внутрь самого себя. В применении к психологической реальности метафора О. Манделштама перестает быть метафорой. Психологическая реальность именно так и развивается. Мы меняемся и строим себя на ходу. Покой нам только снится.

Добавим к этому, что Н.Д. Гордеева в развитие идей А.В. Запорожца и М.И. Лисиной различила в живом движении два вида чувствительности: чувствительность к собственному положению и состоянию и чувствительность к ситуации. Она обнаружила, что для эффективного решения даже элементарной двигательной задачи требуется чередование обоих видов чувствительности несколько раз в секунду и сопоставление их показаний. Другими словами, был обнаружен феномен рефлексии без Я, названный фоновой рефлексией. Это уже не косные инстинкты и не близорукие рефлексии, которые ничего, кроме себе подобного, породить не могут. Как говорил А.В. Запорожец, живое движение оказывается умным само по себе, а вовсе не потому, что им руководит посторонний ему интеллект. На основании сказанного можно придти к заключению, что живое движение, обладающее тремя атрибутами души плюс фоновой рефлексией (способностью заглядывать внутрь самого себя), а, следовательно, и спонтанностью, если и не вся душа, то душа души. Согласно Г.Г. Шпету, определяющий признак всех жизненных явлений — активность, психологии — самоочинность, спонтанность, если угодно, можно добавить и самоактуализацию. Под спонтанностью он понимал активность, исходящую от самой души. (Ср. с Платоном: Душа — это то, что само себя движет, причина жизненного движения существ.) Поэтому-то человек и может быть причиной самого себя (В.А. Петровский), что затрудняет другому прогнозирование его поведения и поступков. Ведь чужая душа — потёмки, да и своя собственная не устаёт преподносить нам сюрпризы. О спонтанности детского развития (на фоне всеобщего преклонения перед принципом безрадостного детерминизма) писали только Л.И. Божович и А.В. Запорожец. Последний очень обрадовался, наткнувшись в сочинениях В.И. Ленина на термин «спонтанность», и использовал именно его. Читающий В.И. Ленина А.В. Запорожец, делающий закладки в книге классика горелыми спичками, выглядел столь же странно, как выглядел бы этот фанатик, читающий А.С. Пушкина.

Мы вновь возвращаемся к началу разговора о началах, в которых можно найти и душу. В дальнейшем она (или мы?) теряет себя в своих дифференциациях и дезинтеграциях, в размножившихся вегетативным способом видах сенсорики, перцепции, внимания, памяти, интеллекта, эмоций и чувств, типах характера и личности, растворяется в сознании или отравляется им:

Душу сражает, как громом, проклятье,
Творческий разум осилил, убил.

А. Блок

В. Набоков утверждал, что изъятие души удесятерять силы, но цели тоже оказываются бездушными, бесчеловечными. Оставлю читателям судить, удесятерило ли силы психологов изъятие души из психологии и обездушило ли их цели. Видимо, не

случайно призывал Христос: Будьте как младенцы. Н. Заболоцкий бы добавил: с их младенческой грацией души. Для этого нужно чаще заглядывать внутрь своей души, отыскивая ее на задворках психики и сознания. По словам У. Блейка, назначение пророков и поэтов в том, что они помогают человеку открывать очи, направленные внутрь своей души. Хотя такое обучение дается нелегко, игра стоит свеч. По оптимистическим подсчетам И. Бродского, к сожалению, только один процент людей чувствителен к поэзии.

Возможно, читатель догадался, что когда речь шла о началах развития психики, то имелся в виду и второй план — план начала и первых лет жизни Харьковской школы, которые были необыкновенно богаты. Конечно, не все задуманное в довоенное десятилетие было осуществлено. К счастью, это плодотворное начало имело продолжение во время войны и в послевоенные годы. М. Хайдеггер говорил, что подлинное начало обязательно содержит в себе основу скачка, за-скока вперед, неизвестную полноту небывалой огромности и спора со всем бывалым. Примитивное ничего, кроме примитивного, породить не может. Об этом же превосходно сказал Томас Элиот: В моем начале — мой конец... В моем конце — мое начало. В психологическом смысле, да и в любом другом, за-скок вперед — это потенциальная возможность успеха и достижений в зоне — или лучше — в перспективе ближайшего и более отдаленного развития. Многое из накопленного было уточнено и развито, целый ряд замыслов был реализован, некоторые забыты или отложены в долгий ящик. А некоторые вообще не могли быть реализованы и не могли даже возникнуть, хотя основания для их зарождения имелись.

Выше я позволил себе пофантазировать относительно последних и, так сказать, вчитать их в своих учителей. В конце концов, я ведь харьковчанин не только по рождению. Я вправе считать себя учеником и участником Харьковской школы. А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин неоднократно (к моему удивлению и гордости) достаивали меня чести быть их соавтором. Моя фантазия (или заскок в привычном смысле этого слова) относится к тому, что в исследованиях участников Харьковской школы содержались предпосылки для возвращения души в психологию. Разумеется, в полузадушенной стране в условиях «идеологического общежития» об этом можно (можно ли?) было только мечтать. Позволить себе сказать: Душу от внешних условий освободить я умею (О. Мандельштам) могли только единицы. Когда П.Я. Гальперин спрашивал: Это уже, наконец, коммунизм, или будет еще хуже? — то он имел в виду не только безытность нашей страны. Один харьковский деятель на торжественном собрании, посвященном столетию «Коммунистического манифеста», с неподдельным восхищением говорил, что Маркс и Энгельс оставили нам очень много цитат. Тут уж было не до души. Даже к

исследованию сознания относились с подозрением, если оно не объявлялось вторичным, второсортным. Воздерживались и от цитирования многократно встречавшегося у К. Маркса термина «духовно-практическая деятельность», заменяя его термином «предметная деятельность».

Деятельность совершенно сознательно была поставлена над сознанием и личностью, а личность опущена до субъекта, т. е. до под-лежащего, до какой-либо функции или набора наперед заданных свойств и функций, которые должны быть сформированы. Не задумывались только, кто уполномочил и по чьему образу и подобию? Отсюда и словосочетание «субъектность личности», хотя субъект обозначает нечто безличное, отсюда и идея измеримости личности. «Измеримая личность» — это такой же оксюморон, как «смертная жизнь». Я понимаю, что число пьянит (Ш. Бодлер), но слово отрезвляет. По П.А. Флоренскому, личность — это предел самопостроения, а предел измерить нельзя. Как измерить Наш беспредельный к беспредельности порыв? (Р. Фрост). М. Цветаева не случайно спрашивала: Что же мне делать <...> / С этой безмерностью в мире мер? Только безмерность может стать мерой всех вещей. Не знаю, сговорились ли в одно время работавшие вместе в челпановском Психологическом институте Н.А. Бернштейн и Л.С. Выготский или независимо друг от друга определили личность как верховный синтез поведения, деятельности, сознания. Добавлю, и синтез не в меру расплодившихся Я.

Что касается субъекта, то он вполне уместен в философской субъект-объектной парадигме. Более того, Г.Г. Шпет, ссылаясь на Г.Ф. Гегеля, говорит, что душа и даже дух могут толковаться как субъект, но субъект, понимаемый не как индивидуальная особь, не субстанционально.

Предпосылки к восстановлению дискурса о душе в Харьковской школе действительно были. Не только научные, но и личностно-биографические. А.В. Запорожец пришел в психологию из театра. Он понял, что ему как актеру не достает знаний о человеческих чувствах и переживаниях. Но парадокс был в том, что он долгие годы как бы тренировался на изучении сенсорики, перцепции, мышления, моторики и лишь в конце жизни обратился к изучению эмоциональной сферы. Как психолог он заботился об амплификации детского развития, о непреходящей ценности каждого периода возрастного развития, т. е. о сохранности детской души, о ее потребности в «пилюлях любви». А.В. Запорожец высоко ценил «Охранную грамоту» Б. Пастернака, в которой автор восхищался Грецией, умевшей мыслить детство замкнуто и самостоятельно, как заглавное интегративное ядро. По ее мысли, какая-то доля риска и трагизма должна быть собрана достаточно рано в наглядную, мгновенно обозримую горсть. И даже в каком-то запоминающемся подобии, может быть, должна быть пережита и смерть. Д. Самойлов как бы конкретизирует это предположение, описывая реак-

цию ребенка, слушавшего в исполнении папы «Песнь о вещем Олеге»:

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

Вообще, нужно сказать, что первое десятилетие Харьковской психологической школы следует характеризовать как фронтальное наступление на детство. При этом психологи не проявляли неразумной торопливости, не стремились преодолеть детскую непосредственность и спонтанность, быстрее переводить ребенка с одного этапа развития на другой, или перескакивать через этапы. Они изучали детство как таковое. Даже не изучали, а открывали его для себя, удивлялись его непосредственности и таланту, а не форсировали развитие ребенка. Амплификация, о которой постоянно заботился А.В. Запорожец, — это расширение возможностей развития, позволяющее ребенку самому найти себя в материале. На этом фоне странно выглядят позднейшие призывы А.Н. Леонтьева к преодолению «постулата непосредственности». Он был верен Л.С. Выготскому и своим ранним исследованиям развития памяти. Для обоих главным словом или главным принципом психического развития было слово «опосредованность». Они как бы молчаливо исходили из «постулата опосредованности» развития, не учитывая, что зоной ближайшего или отдаленного развития опосредованности обязательно должна быть новая непосредственность, без которой немислимы откровение, инсайт, неслышанная простота. Сказанное о непосредственности особенно верно для развития личности:

И если мне близка, как вы,
Какая-то на свете личность,
В ней тоже простота травы,
Листвы и выси непривычность.

Б. Пастернак

Не только поэты, но и простые смертные ценят в личности прямоту и непосредственность, а не лабиринты опосредований, в которых легко заблудиться. Личность и человечность естественны и нормальны, а моральное и нравственное уродство, чаще встречающиеся за пределами психиатрических клиник, неестественны и отвратительны.

Продолжу свою душевную гипотезу. Непроизвольная память, осуществляющаяся в контексте жизнедеятельности, изучению которой П.И. Зинченко посвятил почти всю научную жизнь, есть память души, а вовсе не натуральная функция, о чем много писал его ученик и последователь Г.К. Серeda. Как говорила М. Цветаева: Моя душа — мгновений след. Как мы помним, она же дар и начало, т. е. постулированные философами доопытные черты, имеющиеся у младенца как представителя человеческого рода. Могу — мыслю — понимаю — это разум и воля. Не отвергнем и чувственного жара. Ученица А.В. Запорожца М.И. Лисина, многие годы изучавшая младенцев, назвала первое полугодие их жизни золотым ве-

ком общения. Он золотой, потому что за общением еще нет задних мыслей, умыслов, помыслов. Оно само есть все: потребность и мотив, цель, действие и страсть. М.И. Лисина называет его «чистым общением», осуществляющимся в диапазоне одних только положительных эмоций. А. Фет, видимо, тоскуя по золотому веку общения, воскликнул: О, если б без слова сказаться душой было можно! Иногда такое удается и взрослым. Конечно, душа, как и все ее атрибуты, будь они чистыми или синкретами, существуют только в выражении, а выражение — это одновременно и акты их созидания, происходящего в слиянном общении, в совокупном действии, в поступке. Напомним, что М.М. Бахтин определял предмет всех гуманитарных наук как выразительное и говорящее бытие.

Еще один пример — исследования Л.И. Божович, которая в послевоенные годы обратилась к проблемам развития личности. Она усматривала путь формирования личности в постепенном освобождении ее от непосредственных влияний окружающей среды (ср. с приведенной выше строкой О. Мандельштама) и превращении ее в активного преобразователя этой среды и своей собственной личности. Л.И. Божович придавала большое значение формированию ее внутренней позиции, считала, что важной движущей силой психического развития ребенка являются ненасыщаемые духовные потребности. Внутренняя позиция личности — это ее душевный настрой: «лежит душа, или не лежит». Только в душе соединены три цвета времени — прошлое, настоящее и будущее, поэтому она догадывается, когда и куда идти и куда поворачивать.

Пожалуй, главным доводом в пользу возможной латентной интенции восстановления дискурса о душе была интерпретация упомянутых выше экзотических экспериментальных исследований А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца. Они интерпретировали сформированные новообразования в терминах функциональных органов индивида. Согласно А.А. Ухтомскому, функциональный орган — это всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. Такие органы существуют виртуально и наблюдаемы лишь во время актуализации. К их числу А.А. Ухтомский относил не только психологическое воспоминание, интегральный образ, но и такие доминанты души, как внимание духу, доминанту на лицо другого человека, интуицию совести. У А.А. Ухтомского функциональные органы выступили двояко: как органы индивида, т. е. как виртуальные, психологические, и как органы нервной системы. А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца, в отличие от А.Р. Лурии, мало волновали зашумленные далекие отголоски психологических бурь в нервной системе. Не забудем и Л.С. Выготского, утверждавшего, что именно рождающее смыслы переживание является единицей личности и сознания. В 1970-е годы Ф.В. Бассин, как бы в развитие этой идеи Л.С. Выготского, предложил рассматривать значащие переживания не только как единицу ана-

лиза психики, но и как основной предмет психологии. В дискуссии с ним А.Н. Леонтьев продолжал настаивать на том, что таким предметом является деятельность.

А.В. Запорожец, когда он, наконец, обратился к эмоциональной сфере, рассматривал высшие человеческие чувства как функциональные органы индивида, ядро личности. Он многое сделал, чтобы показать жизненную роль аффектов в управлении поведением, роль, сочетающуюся и согласующуюся с регулируемыми функциями интеллекта. Вместе с сотрудниками он прослеживал возникновение целостных эмоционально-когнитивных комплексов типа аффективных образов, моделирующих смысл тех или иных ситуаций и начинающих регулировать динамическую сторону поведения ребенка уже на относительно ранних ступенях его развития. Л.И. Божович говорила об этом же в терминах «мотивирующих представлений», подчеркивая их побудительную силу. Эмоциональные переживания — не только аккомпанемент поведения и деятельности. Они участвуют в решении задач на смысл (А.Н. Леонтьев), в регуляции и корригировании выполняемых действий, в предвосхищении последствий их выполнения. В союзе с интеллектом эмоции имеют шанс стать умными, обобщенными, предвосхищающими более отдаленные последствия поведения и деятельности. Равным образом, и интеллект в союзе с эмоциями может приобрести черты эмоционально-образного мышления, играющего важнейшую роль в смыслообразовании, смыслах различении и целеполагании. Именно в таком взаимодействии А.В. Запорожец видел то единство аффекта и интеллекта, которое Л.С. Выготский считал характерным для высших человеческих чувств. Не только для них. Оно, согласно М.М. Бахтину, характерно и для самосознания, в котором присутствует когнитивная (кто я) и эмоциональная (какой я) составляющая. Ф.Е. Василюк, как бы компенсируя отсутствие интимно-личностных компонентов в оперативно-технической структуре деятельности, предложенной его учителем А.Н. Леонтьевым, рассматривал переживание как особую форму деятельности.

Взгляды Л.С. Выготского, Ф.В. Бассина, А.В. Запорожца, Ф.Е. Василюка близки к утверждению Ф.М. Достоевского: страдание — единственная причина сознания, разумеется, страдание душевное, а не физическое. Не пристрастие ли психологов к изучению рефлексов головного мозга объясняет пренебрежительное отношение к психологии (и психологам) писателя, стремившегося познать все глубины души человеческой? В своем пренебрежении Ф.М. Достоевский был не одинок. Сто лет тому назад Г.Г. Шпет писал, что жизнь и искусство готовы были навсегда порвать с психологией, так чужды им казались ее схемы. А другие науки упресли психологию в душевном водолействе. Находясь между Сциллой и Харибдой, наука о душе ради своего спасения жертвовала душой: была про-

возглашена «психология без души». Как ни странно, но душа не нанесла побоев мозгу (Б. Пастернак) психологов и физиологов, которых они заслуживали за такое нелепое решение.

От идеи функциональных органов психологических орудий, — по Л.С. Выготскому, — до души и духовного организма, центром которого, видимо, является душа, остается один шаг, который мало кто из психологов решается сделать. Утешает то, что их время от времени влечет на место преступления, которое совершили их предшественники. Наугад можно назвать имена Г.И. Челпанова, Г.Г. Шпета, С.Л. Франка, В.В. Зеньковского, А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина, К. Юнга, В. Франкла, Ж. Ньютена. Из современников назову М.К. Мамардашвили, В.А. Лефевра, Г.В. Иванченко, В.А. Пономаренко, В.Д. Шадрикова, В.К. Шабельникова. Г.И. Челпанов был прав, говоря, что прежде всего нужно вернуть душу в образование; сейчас ее там не хватает значительно больше, чем в его время. Союз души и глагола (М. Цветаева) образованию помешать не может. Если вдруг произойдет почти невозможное, и психологи озаботятся душой, оробело вернуться к тайне (Б. Пастернак), владевшей умами многие столетия, то исчезнут дилетантизм и фельдшеризм, станет меньше практиков-практикантов, да и сама психология станет более увлекательной и интересной. Ведь без тайны и удивления нет человека, без них невозможно и развитие науки о нем. Дж. Бруннер, которому в 2015 г. исполнится сто лет, в написанной им около сорока лет назад автобиографии высказал сожаление о том, что ему не удалось теснее связать между собой психологию и искусство. А бездушное искусство в принципе невозможно. Если такая связь действительно будет установлена, за этим последует признание Ф.М. Достоевского (пусть и наряду с И.М. Сеченовым) дедушкой психологии.

Вот куда могут завести воспоминания и размышления о Харьковской психологической школе и моих учителях!

III

В недрах Харьковской психологической школы возникли научные школы Л.И. Божович, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьева. Добавлю присоединившихся к ним выготчанина Д.Б. Эльконина и ученицу К. Левина Б.В. Зейгарник. А.Р. Лурия, как мне кажется, сам по себе всегда был школой (и не одной!). Это произошло потому, что она, как, впрочем, и другие настоящие научные школы, была сильна своим разнообразием не только в тематике исследований при их общей направленности, но и по личным качествам ее участников.

Поделюсь своими впечатлениями об этих замечательных «одноклассниках» и о распределении ролей между ними.

А.Р. Лурия, — державшийся всегда в тени Л.С. Выготского, затем А.Н. Леонтьева, — гений. С. Тулмин, назвавший Л.С. Выготского Моцартом, А.Р. Лурию назвал Бетховеном психологии. Сам он говорил, что ему в жизни посчастливилось встретиться, дружить и сотрудничать с тремя гениями — Н.А. Бернштейном, Л.С. Выготским и С.М. Эйзенштейном. Он настолько почитал Л.С. Выготского, что его собственная «научная биография» более чем наполовину посвящена учителю. Сегодня А.Р. Лурия вошел в первую сотню самых цитируемых психологов XX в. и обогнал своего учителя Л.С. Выготского. Из наших соотечественников их опережает только И.П. Павлов. Психологов должно утешить то, что Ж. Пиаже и З. Фрейд занимают места выше, чем И.П. Павлов. Но всех опережает Б.Ф. Скиннер. Не спешит психология поворачиваться от поведения и динамики нервных процессов к душевному миру человека. К сожалению, в последние десятилетия чаще вспоминают о заслугах А.Р. Лурии перед нейропсихологией. А.Р. Лурия, вслед за М. Ферворном делил ученых на классиков и романтиков. В нем самом всегда сочетались романтические и классические черты психологического нейропсихолога, т. е. психолога в квадрате, не желавшего топить изучение сознательной деятельности человека в море молекулярной теории, не удовлетворявшегося нейрологизирующими тавтологиями и редукциями. К сожалению, он не узнал, что две японские телестудии сделали фильмы, посвященные ему и герою его «Маленькой книжки о большой памяти» С.В. Шерешевскому; что замечательный режиссер Питер Брук поставил в Париже спектакль, посвященный этому сюжету (мне довелось быть одним из консультантов обоих фильмов и спектакля). Не узнал он и о том, что Умберто Эко написал роман «Таинственное пламя царицы Лоаны», главный герой которого подобен Засецкому — герою его книги «Потерянный и возвращенный мир». Из текста романа видно, что автор узнал о Засецком из работ Оливера Сакса — нейропсихолога — последователя и, как он сам себя называл, заочного ученика и друга А.Р. Лурии.

Я уверен, что А.Р. Лурия прежде всего замечательный психолог. Только этим можно объяснить его достижения в изучении функций мозга, лишь обеспечивающих, а вовсе не порождающих различные формы психической активности. Опубликованная посмертно, последняя статья А.Р. Лурии «О месте психологии в ряду социальных и биологических наук» представляет собой своего рода антиредукционистский манифест.

А.Р. Лурия неизменно заботился о молодежи и вместе с тем был очень требователен к ней. Самая страшная угроза с его стороны была: «Я с тобой раззнакомлюсь». В свое время (еще до Харькова) Александр Романович уволил молодого А.В. Запорожца из своей лаборатории в Академии коммунистического воспитания со словами: «Саша, может быть когда-нибудь ты станешь знаменитым профессором, но лаборант из тебя никогда не получится». Это не поме-

шало их дружбе, длившейся всю жизнь. Многие десятилетия спустя, когда Александр Владимирович стал профессором, академиком, Александр Романович как-то позвонил ему утром и попросил обязательно зайти к нему вечером после работы. При встрече он заставил гостя отчитаться, как тот провел день. Выслушав, А.Р. Лурия чертыхнулся и добавил: «Только в нашей стране золотыми часами забивают гвозди».

А.Н. Леонтьев — всеми добровольно и охотно признанный лидер, превосходно выполнял эту роль. Он своими часто нарочито сложными, порой туманными размышлениями и рассуждениями о деятельности, сознании, личности, за которые трудно зацепиться идеологически озабоченным критикам, создал нечто вроде резервации, внутри которой успешно работали идеологически беззаботные участники школы. А.Р. Лурия писал в автобиографии, что марксизм, одна из сложнейших в мире философских систем, медленно воспринимался советскими учеными, включая и меня, — добавлял он. Он им особенно и не заморачивался. А.Н. Леонтьев считал себя настоящим марксистом, гордился тем, что важные для психологии положения К. Маркса переводил сам. Последним знающим марксистом-ленинцем в нашей психологии был В.В. Давыдов. Интересно было наблюдать дружеские и нескрываемо ироничные взаимоотношения А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии. Так, первый упрекал второго в идеологическом легкомыслии, а второй первого в излишней идеологической озабоченности. Целый ряд очищенных от идеологии мысленных конструкций живы до сих пор. А.Н. Леонтьев был изобретательным и тонким экспериментатором. Хотя, как верно заметил П.Я. Гальперин, эксперимент был лишь иллюстрацией к его теоретическим предположениям, не имел самоценности и нередко оставался им на самом интересном месте.

П.Я. Гальперин — теоретик, эрудит, учитель и исследователь. В нем удивительно сочетались широта взглядов педагога, превосходно знавшего историю психологии, и способность к самоограничению (почти павловского типа) ученого-экспериментатора. Друзья за глаза его называли рэбэ, советовались с ним по трудным вопросам. Нередко после такого разговора бывали обескуражены. Его критика была ироничной и в то же время щадящей, укоры и уколы сочетались со ссылками на трудность проблемы (семи пядей во лбу не хватит). К его критике нужно было прислушиваться. А.В. Запорожец говорил: «Петр Яковлевич зря не скажет». Он был одновременно и внутри школы, и сохранял полную интеллектуальную автономию, что порой раздражало А.Н. Леонтьева. Сам он был непроницаем для критики, отшучивался или, как Ж. Пиаже, говорил: «D'accord (согласен)» и все делал по-своему.

Л.И. Божович — в науке непредсказуемая и непримиримая личность, боец; в жизни — человек мягкий и добрый. Отстаивая свою внутреннюю позицию, она довольно быстро разошлась с А.Н. Леонтьевым во взглядах. Остальные искренне любили ее, она отвечала взаимностью. В психологии достаточно редкий случай, когда подлинная личность разрабатывает проблематику личности.

А.В. Запорожец — душа всего коллектива, совесть, психотерапевт, жилетка, в которую можно поплакать, копилка, в которой с гарантией можно хранить свои тайны. Какая-то «всемирная отзывчивость». Будучи сам бездетным, А.В. Запорожец любил, понимал и знал детей и посвятил почти всю свою научную деятельность детской психологии. Между прочим, в ущерб психологии искусства и общей психологии. Он ведь в молодости был актером и пришел в психологию, чтобы лучше понять сценические чувства. Трагедии, происходившие в советском театре (убийство его учителя Л.С. Курбаса, В.Э. Мейерхольда, С.М. Михоэлса), переживались им как свои собственные. Задуманная им книга об эмоциях так и не была написана. Больно было смотреть, как в последние десятилетия рушилась созданная им система дошкольного воспитания.

Д.Б. Эльконин — мужественный человек, стойко претерпевавший жизненные невзгоды, которых на его долю выпало предостаточно. Обладая буйным научным темпераментом, щедро разбрасывал свои идеи. Мне тоже кое-что перепало. Д.Б. Эльконин не случайно ряд лет занимался психологией игры. Элементы игры играли не последнюю роль в его собственной жизни. Дремучая серьезность была ему абсолютно чужда. К административным неприятностям он относился с иронией. Когда его в благодарность за созданную вместе с В.В. Давыдовым теорию и практику развивающего обучения и формирования учебной деятельности Президиум АПН СССР постановил вывести из состава ученого совета Института психологии, он, смеясь, говорил: «Наверное, патроны в КГБ отсырели». Столь же досадно смотреть, как с карты нашей страны исчезают школы развивающего обучения (в отличие от Белоруссии и Украины, где число их увеличивается).

В.И. Аснин — человек твердых научных принципов. Всегда требовал строгости, четкости, ясности изложения. Коллеги звали его Яснин. Особенно он был придирчив к А.Н. Леонтьеву. Бывало, что он говорил ему: «Либо ты сам не понимаешь, что говоришь, либо ты понимаешь и нам не хочешь сказать». А вне науки он был доброжелательным и мягким человеком.

П.И. Зинченко был труженик-одиночка, посвятивший жизнь одной проблеме — проблеме памяти. Он сам провел все свои исследования забывания, непроизвольной и произвольной памяти. Сам и «внедрял» полученные результаты в практику: под его руководством учителя средней школы проверяли возможность и эффективность организации учебной деятельности, основанной на установленных им закономерностях непроизвольной памяти, а не на заучивании. К сожалению, это умудрились не заметить его друзья и коллеги Д.Б. Эльконин и В.В. Давыдов, позднее приступившие к разработке теории и практики

учебной деятельности. У них память оказалась на дворках учебной деятельности, что совершенно неадекватно. Она все же не может быть беспамятной. На это обращали внимание П.Я. Гальперин и В.В. Репкин. Аспиранты и сотрудники появились у него лишь в последние пять-шесть лет, после создания им кафедры психологии ХГУ. П.И. Зинченко был человеком не робкого десятка. Он первый, уже в 1939 г. (после запрета в 1936 г. трудов Л.С. Выготского как педолога) восстановил его имя в научной печати. Разумеется, не без критики (но не оголтелой!), напомнил о важнейших положениях теории культурного развития психики и сознания Л.С. Выготского.

Психологические гены Петра Ивановича перешли к жене, дочери, сыну и внуку, а затем и к их женам. Естественно, он был для меня лучшим человеком на Земле. Он был больше, чем отец, еще учитель, коллега, друг. Могу сравнить его только с А.В. Запорожцем, который был для меня больше, чем учитель, коллега и друг. Они любили друг друга, их объединяло редко изменявшее им чувство юмора, добрая ирония, в том числе и по собственному адресу.

Все они живут в моей памяти, которая по отношению к ним подчиняется закону обратной временной перспективы. Чем дальше я ухожу от них по времени, тем больше они становятся, тем ценнее и значимей становятся их уроки.

* * *

Несколько слов в заключение. Конечно, научные школы не вечны. Они имеют свои естественные жизненные циклы. Однако их идеи, понятия и результаты представляют не только исторический интерес, что, впрочем, само по себе не так мало. Они поселяются в теле науки, становятся ее функциональными органами, влияют на ее дух. Научные школы меняют контекст и пейзаж науки, в нем же и растворяются. Например, научных школ, породивших ассоцианизм и гештальтпсихологию, давно нет, но без найденных ими фактов, установленных законов восприятия и памяти психология немислима. И эти законы прекрасно уживаются друг с другом. Важно, чтобы школа была не герметичной, а открытой, питалась бы не только своими соками, но не пренебрегала и другими источниками. Сегодня научные школы большая редкость. Их сменяют часто анонимные и вместе с тем самозванные направления: гуманистическая, когнитивная, позитивная, качественная и другие психологии. В самом их названии звучит противопоставление и вызов старой доброй психологии. А она, между прочим, была не

менее, а в чем-то значительно более качественной, позитивной, когнитивной и гуманистической. Я готов согласиться с тем, что границы между понятиями «научная школа» и «научное направление» весьма неопределенны и расплывчаты. Собственно, это даже не понятия, а концепты или конструкты. Но их определение и установление границ между ними — не проблема той или иной науки, а проблема научной историографии. Важнее, что научные школы были, есть и, надеюсь, будут. Хотя звучат пессимистические заявления о конце научных школ, они неистребимы, хотя и неравномерно распределены во времени. Сегодня в психологии научных школ маловато. Впрочем, цыплят по осени считают, большое видится на расстоянии. Так или иначе, не следует забывать об огромном воспитательном значении научных школ. Особое значение имеет вырабатываемый ими стиль научного мышления, которым нигде, кроме как в школе, овладеть нельзя. Я и мои сверстники, а до нас и после нас еще целый ряд поколений психологов в полной мере испытали на себе влияние научной школы, зародившейся в Харькове, оставившей в нем достойных соратников и продолжившей свое плодотворное существование в Москве.

Два-три послевоенных десятилетия харьковчане и москвичи представляли собой самоорганизующееся научное сообщество. В 1980-е годы после издания относительно полного «собрания сочинений» Л.С. Выготского его имя стало символом, объединяющим школы Л.И. Божович, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца и других «одноклассников». Прежнее название — научная школа Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии — стало слишком узким. Оформилось неформальное направление, имеющее вполне предметное наименование: культурно-историческая психология. (Забавно, что это наименование было ему присвоено в 1936 г. одним из погромщиков психологии, к тому же зоологическим антисемитом П.И. Размысловым.) Некоторые предпочитают называть его культурно-деятельностной психологией. Приятно сознавать, что упомянутые выше школы продолжают жить и работать несмотря на то, что давно уже нет их основателей. В 2012 году было кому проводить и кому выступать с докладами на конференциях, посвященных 110-летию П.Я. Гальперина и А.Р. Лурии, а также на конференции, посвященной 80-летию Харьковской психологической школы. Я был поражен, увидев в зале более трехсот заинтересованных участников. Появилась даже уверенность, что у психологов память не самая слабая из сил души. Они понимают, что пока мы помним своих учителей, не только они, но и мы сами живы.

Psychology of action. The contribution of the Kharkov school of psychology

V.P. Zinchenko

PhD in Psychology, full member of the Russian Academy of Science (RAS), professor of the Institute of General Secondary Education of RAS, professor at the Chair of General and Experimental Psychology (Higher School of Economics), academician, honorary member of the American Academy of Arts and Sciences, doctor honoris causa at the University of Tartu

This paper was written based on the report made at the International Conference dedicated to the 80th anniversary of Kharkiv School of Psychology (Kharkiv, October, 2012) hosted by G.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University. It offers the reader both personal impressions and memories of the author about the events and people and those drawn out of stories of representatives of the older generation of psychologists involved in these events. The author is not a science historian and did not make it a point to give a complete, historiographic account of history of Kharkiv school of psychology. I thank Anton Yasnitskyi, a professional psychology historian, for his remarks and updates.

Keywords: School of thought, academic community, scientific field, G.I. Chelpanov, L.S. Vygotskyi, S.L. Rubinstein, A.R. Luriya, A.N. Leontyev, V.I. Asnin, P.Ya. Galperin, A.V. Zaporozhets, P.I. Zinchenko.